

К вопросу о художественном своеобразии новелл Стефана Цвейга

В статье анализируется художественное своеобразие новелл Стефана Цвейга. Особое внимание уделяется психологической новелле, в которой писатель исследует типы характеров, глубину страсти, проявления темперамента. Новелла представляет собой своеобразный психологический эксперимент: автор ставит своих героев в определенные условия и наблюдает за их поведением. Главная цель этого наблюдения – познание человека. Важнейшим средством раскрытия внутреннего мира человека является психологический анализ, при этом Цвейг использует различные лингвостилистические средства. Описание этих средств является целью статьи.

Ключевые слова: С. Цвейг, новелла, психологизм, лингвостилистические средства выразительности.

Vasily SHadeko

On the Question of the Artistic Originality of Stories by Stefan Zweig

The article analyzes the artistic originality of the stories by Stefan Zweig. Particular attention is paid to the psychological novel, in which the writer explores the types of characters, the depth of passion, manifestations of temperament. The short story is a kind of psychological experiment: the author puts his characters in certain conditions and observes their behavior. The main goal of this observation is the knowledge of a person. The most important means of revealing a person's inner world is psychological analysis, while Zweig uses various linguistic and stylistic means. The description of these means is the purpose of the article.

Key words: S. Zweig, short story, psychologism, linguistic and stylistic means of expressiveness.

Содержание и стиль произведений Стефана Цвейга во многом обусловлен обстоятельствами его жизни. Приведем предельно кратко лишь некоторые эпизоды из биографии С. Цвейга, необходимые для понимания становления его как писателя.

Стефан Цвейг родился в состоятельной еврейской семье. По мнению его матери, каждый уважающий себя еврей должен интересоваться более высокими вещами, чем деньги. Такая озабоченность избежать мирского и недостойного, несомненно, оставила на нем свой отпечаток [2, с. 156]. Писатель с

трагичной судьбой, открытым и чутким сердцем, он завоевал любовь миллионов читателей. Его путь был сложен: оказавшись под влиянием той противоречивой эпохи, он боролся за свои идеалы, проповедуя гуманизм.

С. Цвейг получил первоклассное образование в гимназии имени Максимилиана, которая, как и большинство гимназий в XIX и начале XX века, давала гораздо более солидное гуманитарное образование, чем современные университеты. Страсть к сочинительству Стефан унаследовал от матери, которая временами сама писала и была замечательной рассказчицей. Уже со времен учебы в гимназии он стал писать свои первые стихи, находясь под влиянием поэзии Гуго Гофманншталя и Райнера Марии Рильке. Уже в 1909 году его первые стихи были опубликованы в журнале «Deutsche Dichtung». Появляются публикации и в других журналах. В студенческие годы Цвейг пробует силы в прозе и поэтических переводах: он переводит Йейтса, Китса, Лемонье, но особенно много Верлена и Верхарна [7, с. 2–4].

Во время первой мировой войны Цвейг был добровольцем в военной пресс-службе Австро-Венгерской империи. Тогда он познакомился с Р. Ролланом. После окончания войны Цвейг вернулся в Австрию и поселился с женой Фредерикой в Зальцбурге. Там он написал некоторые из своих самых успешных книг: исторические миниатюры «Звездные часы человечества», новеллы «Амок» и «Смятение чувств», биографические романы о Марии Антуанетте и Жозефе Фуше. Он подружился со многими деятелями искусства и интеллектуалами из разных стран и культурных кругов. «Он был гением дружбы», – писал позднее о нем Р. Фриденгал [8, с. 57].

В те годы Стефаном Цвейгом была выработана особая разновидность интеллектуальной независимости и его «внутренняя свобода». Ему необходима была его интеллектуальная и личностная свобода, чтобы общаться с подобными себе умами и душами во всем мире. Он был «одиноким волком», но в то же время нуждался в обществе и людях «своего круга» – круга свободно мыслящих интеллектуалов. Однако быть полностью одиноким и долго наслаждаться своим одиночеством Стефан Цвейг не мог [6, с. 238].

Во всех его дневниках можно проследить мысль, что причиной всего плохого – такого, как война, нетерпимость, паспортный режим, является «отсутствие разумности» у людей. Варварство, неудержимо охватывавшее Европу и Германию в 1935 году, представлялось ему как некий общественный скандал, возникший из-за неспособности людей сплотить силы разума. В конце жизни Цвейг понял, что верил в разумность других слишком сильно. «Слепая вера в то, что разум остановит безумие в последнюю минуту, была одним из наших

главных недостатков... мы полагались на Жореса, на Социалистический интернационализм, мы верили, что железнодорожники скорее разберут полотно, чем позволят отправляться на фронт составам, набитым их товарищами, мы рассчитывали на женщин, которые откажутся жертвовать своими мужьями и детьми... Наш всеобщий идеализм, наш оптимизм, основывающийся на прогрессе, привели нас к тому, что мы неверно оценивали и игнорировали очередную опасность» [9, с. 56].

В 1940 году Стефан Цвейг вместе со своей второй женой эмигрировали в Бразилию. В Петрополисе ему некуда было бежать. Он оказался в тупике, в который загнал себя сам. Он потерял родину, друзей. Одиночество обступило его со всех сторон. Мысль, что главный труд его жизни, его книги, самая чистая радость, данная ему на земле, уничтожаются на родине, занятой фашистами, – эта боль терзала его невероятно. Все негативные обстоятельства, душевная усталость, одиночество – всё трагически сфокусировалось в одной точке. 22 февраля 1942 года Стефан Цвейг и Лотта Атманн покончили жизнь самоубийством.

Цвейг очень трепетно относился к творениям человеческого разума – к книгам. В своем эссе «Книга как врата в мир» Цвейг попытался представить, что случилось бы, если бы он не имел возможности читать и жил бы вообще без книг. И пришел к выводу, что человек, который не умеет читать, «не ведет, бедняга, сколько наслаждения внезапно дарит человеку одна-единственная строка, сверкнувшая, будто серебряный месяц из-за темных туч, он не ведет глубоких потрясений, когда в тебе начинает жить чужая выдуманная судьба. Он замурован в самом себе, ибо не знает книги, он влачит тупое существование троглодита, и нельзя понять, как он, отторгнутый от мира, выносит эту жизнь и не задохнется от собственной скудости» [10, с. 334]. Книга, по мнению Цвейга, – самое высокое из достижений человека, самое светлое и сильное.

Цвейг-новеллист создал образцы замечательного художественного мастерства. Его психологические новеллы соединили в себе многие особенности. Это новеллы страсти, типов характера и темперамента, новеллы-биографии, новеллы любви, новеллы тайн и приключений. В одном ряду с приключенческим жанром стоит и новелла-анекдот, представленная в творчестве С. Цвейга новеллой «Улица в лунном свете» («Die Mondscheingasse»). Писатель отдал дань и эпистолярной форме, стилизовав новеллу «Письмо незнакомки» («Brief einer Unbekannten») под письменное послание. Решение поставленных в его произведениях проблем сочетается с насыщением повествования бытовым колоритом, с описанием нравов, с элементами очерка. Все это характеризует его

новеллы и как бытовые, нравоописательные. Иногда они напоминают своеобразный психологический эксперимент: автор ставит своих героев в определенные условия и наблюдает за их поведением. Преследуемая при этом цель – познание человека.

Двигателем сюжета у С. Цвейга являются переживания героя, подчиняющие себе его рассудок, направляющие его поступки. События в новеллах С. Цвейга нарастают неудержимо, следуя одно за другим с логической необходимостью. Писатель неистощим в изображении неожиданных и в то же время убедительно мотивированных поворотов действия, в чем он подражал самой жизни.

Важнейшим средством раскрытия внутреннего мира человека является психологический анализ. Писатель стремится глубже проникнуть в психологию человека, в том числе и в сферу подсознательного, отразить ускользающие от контроля сознания внутренние процессы в их многоликости и противоречивости, спутанности.

С. Цвейг показывает, как чувства зарождаются, бурно нарастают и захватывают человека целиком. Он изображает характеры, но в еще большей степени – темпераменты, показывает сам психологический процесс, эволюцию мыслей и чувств, больше всего тяготея к изображению кризисных состояний души, страстей. Писатель не только фиксирует впечатления своих персонажей, не только констатирует их настроение. Он больше внимание уделяет расчленению, анализу впечатлений и ощущений. Его героев отличает более глубокий самоанализ, систематическое самонаблюдение. При этом он использует различные лингвостилистические средства.

Так, в новелле «Амок» («Der Amokläufer») для описания чувств и переживаний героя автор использует эпитеты, метафоры, перифразы и устойчивые обороты:

«Sie hatte eine Art, hochmütig und kalt zu sein, die mich rasend machte – mich hatten immer schon Frauen in der Faust, die herrisch und frech waren, aber diese bog mich zusammen, dass mir die Knochen brachen. Ich tat, was sie wollte, ich – nun, warum soll ich's nicht sagen, es sind sieben Jahre her – ich tat für sie einen Griff in die Spitalskasse, und als die Sache aufflog, war der Teufel los» [11, s. 190].

Иногда автор прибегает к риторическому восклицанию, которое подчеркивает смятение чувств героя:

«Und dann saß ich so auf Deck wie Sie und sah das Südliche Kreuz und die Palmen, das Herz ging mir auf – ah, Wälder, Einsamkeit, Stille, träumte ich!» [11, s. 216].

В своих произведениях С. Цвейг очень часто обращается к такому приему психологизма, как умолчание:

«Sie haben ... Sie haben ... mein Herr ... da drinnen eine merkwürdige Szene gesehen ... verzeihen Sie ... verzeihen Sie, wenn ich noch einmal davon rede ... aber sie musste Ihnen merkwürdig sein ... und ich sehr lächerlich ... diese Frau ... es ist nämlich ...» [11, s. 208].

Er stockte wieder. Etwas würgte ihm dick die Kehle. Dann wurde seine Stimme ganz klein, und er flüsterte hastig: «Diese Frau ... es ist nämlich meine Frau» [11, s. 210].

В нижеприведенном отрывке из новеллы «Амок» автор использует стилистический прием апозиопезис (обрыв предложения), поскольку хочет показать, как герой стесняется своих мыслей и правды. Он оправдывается перед своим собеседником, он стыдится себя и того, что сделал, и в то же время он защищает свою жену:

«Ich musste aufgefahren sein im Erstaunen, denn er sprach hastig weiter, als wollte er sich entschuldigen: «Das heißt ... es war meine Frau ... vor fünf, vor vier Jahren ... in Geratzheim drüben in Hessen, wo ich zu Hause bin ... Ich will nicht, Herr, dass Sie schlecht von ihr denken ... es ist vielleicht meine Schuld, dass sie so ist. Sie war nicht immer so ... Ich ... ich habe sie gequält ... Ich habe sie genommen, obwohl sie sehr arm war, nicht einmal die Leinwand hatte sie, nichts, gar nichts ... und ich bin reich ... das heißt, vermögend ... nicht reich ... oder ich war es wenigstens damals ... und, wissen Sie, mein Herr ... ich war vielleicht – sie hat recht – sparsam ... aber früher war ich es, mein Herr, vor dem Unglück, und ich verfluche es ... aber mein Vater war so und die Mutter, alle waren so ... und ich habe hart gearbeitet um jeden Pfennig ... und sie war leicht, sie hatte gern schöne Sachen ... und war doch arm, und ich habe es ihr immer wieder vorgehalten ... Ich hätte es nicht tun sollen, ich weiß es jetzt, mein Herr, denn sie ist stolz, sehr stolz ... Sie dürfen nicht glauben, dass sie so ist, wie sie sich gibt ... das ist Lüge, und sie tut sich selber weh ... nur ... nur um mir wehe zu tun, um mich zu quälen ... und ... weil ... weil sie sich schämt ... Vielleicht ist sie auch schlecht geworden, aber ich ... ich glaube es nicht ... denn, mein Herr, sie war sehr gut, sehr gut ...» [11, s. 175].

Многообразны те приемы, посредством которых С. Цвейг рисует «внутреннее действие». Чувства оттеняются по контрасту: бурным переживаниям персонажей противопоставляются то мещанская косность, то беспристрастно зарисованная окружающая среда, то холодность тех, с кем связаны эти переживания, то сдержанная позиция рассказчика. Цели запечатления внутреннего состояния героя служит его внешний облик. Бегло схваченное лицо, фигура, движение в ранних новеллах сменяются подробным их описанием в зрелых

произведениях. С одной стороны, новеллист приводит собственную оценку героя, с другой, – показывает его образ, отраженный в восприятии других действующих лиц.

Показу внутреннего состояния героя С. Цвейг подчиняет и изображение внешнего мира. Между переживаниями персонажей и социальной и естественной средой, бытовой обстановкой устанавливается эмоциональная связь, внешнее усиливает звучание внутреннего, то ассоциируясь с ним, то оттеняя его по контрасту, как, например, описание мужчины в новелле «Улица в лунном свете («Die Mondscheingasse»):

«Die lange Gestalt schmolz gleichsam zusammen unter diesem bösen Lachen, der Buckel schob sich schief empor, es war, als wollte das Gesicht sich hündisch verkriechen, und seine Hand zitterte, als er nach der Flasche griff, und verschüttete den Wein im Eingießen. Sein Blick, der immer aufwollte zu ihrem Gesicht, konnte nicht weg vom Boden und tastete dort im Kreise den Kacheln nach. Und jetzt sah ich erst deutlich unter der Lampe dies ausgemergelte Gesicht, zermürbt und fahl, die Haare feucht und dünn auf beinernem Schädel, die Gelenke lose und wie zerbrochen, eine Jämmerlichkeit ohne Kraft und doch nicht ohne Böartigkeit. Schief, verschoben war alles in ihm und geduckt, und der Blick, den er jetzt einmal hob und gleich wieder erschreckt zurückwarf, gekreuzt von einem bösen Licht» [11, s. 348].

Примечательной чертой новелл С. Цвейга является монологическая, исповедальная форма повествования, выступающая главным средством изложения, страстного утверждения его гуманистических воззрений. Использует С. Цвейг и внутренний монолог. Внутренняя речь предстает у С. Цвейга не как сплошной «поток сознания», подчиняющийся случайным прихотям психики, а как средство познания и изображения человека. За ней чувствуется направляющая воля писателя. Наглядным примером использования внутреннего монолога является новелла «Смятение чувств» («Untergang eines Herzens»). Ассоциативный поток слов, образов, фиксирующий зарождение мысли-речи, здесь особенно выразительно передает душевное смятение героя:

«Mein Gott! ... mein Gott!»... er stöhnte unwillkürlich auf, der alte Mann. «Diese Schande! diese Schande! ... mein Kind, mein zartes, behütetes Kind mit irgendeinem Mann ... Mit wem? ... Wer kann es nur sein? ... Wir sind doch erst drei Tage hier in Gardone, gekannt, nicht diesen schmalköpfigen Conte Ubaldi, nicht den italienischen Offizier und diesen Mecklenburger Herrenreiter ... erst beim Tanzen am zweiten Tage sind sie bekannt geworden, und schon soll sie einer ... Nein, das kann nicht der Erste gewesen sein, nein ... das muss schon früher begonnen haben ... zu Hause ... und ich weiß nichts, ich ahne nichts, ich Narr, ich geschlagener Narr ... Aber was weiß ich denn überhaupt von ihnen? ... Den ganzen

Tag schufte ich für sie, sitze vierzehn Stunden im Kontor, genauso wie früher mit dem Musterkoffer auf der Bahn ... nur Geld für sie zu schaffen, Geld, Geld, damit sie schöne Kleider haben und reich werden ... und abends, wenn ich heimkomme, müde, zerschlagen, da sind sie fort: im Theater, auf Bällen, in Gesellschaft ... was weiß ich denn von ihnen, was sie treiben den ganzen Tag? ... Nur das weiß ich jetzt, dass mein Kind nachts mit ihrem jungen reinen Leib zu den Männern geht wie eine von der Straße ... Oh, diese Schande!» [12, с. 144].

Характерной особенностью новелл С. Цвейга является эмоциональная напряженность, интенсивность повествования. Его стиль эволюционирует от насыщенности и даже перенасыщенности изобразительными средствами в сторону их рационального использования. На смену часто изысканной речи ранних новелл приходят слова, взятые из повседневной жизни, а иногда – из жаргона. Например, в новелле «Амок» («Der Amokläufer»):

«So geht es nicht. Ich muss Ihnen alles direkt erzählen, von Anfang an, sonst verstehen Sie es nicht ... Das, das lässt sich nicht als Exempel, als Theorie entwickeln ... ich muss Ihnen meinen Fall erzählen. Da gibt es keine Scham, kein Verstecken ... vor mir ziehen sich auch die Leute nackt aus und zeigen mir ihren Grind, ihren Harn und ihre Exkreme ... wenn man geholfen haben will, darf man nicht herumreden und nichts verschweigen ... Also ich werde Ihnen keinen Fall erzählen von einem sagenhaften Arzt ... ich ziehe mich nackt aus und sage: ich ... das Schämen habe ich verlernt in dieser dreckigen Einsamkeit, in diesem verfluchten Land, das einem die Seele auffrisst und das Mark aus den Lenden saugt» [11, s. 183].

Проза С. Цвейга ритмически организована. Через ритмику передается как лирическая тональность, так и патетическая наполненность повествования. Образцом ритмической гармонии является новелла «Brief einer Unbekannten». Единство ритмического рисунка создают в ней и варьируемые повторы, обращения, и обилие однородных синтаксических конструкций, и единоначатия, и ритмически повторяющиеся интонационные паузы. Использование лейтмотива, принцип музыкальности в композиции новелл, звукопись, – все это позволяет говорить о музыкальности прозы С. Цвейга, например:

«Ich weiß es, ich weiß es, mein Kind ist gestern gestorben – jetzt habe ich nur Dich mehr auf der Welt, nur Dich, der Du von mir nichts weiß, der Du indes ahnungslos spielst oder mit Dingen und Menschen tändelst. Nur Dich, der Du mich nie gekannt und den ich immer geliebt» [11, s. 252].

Отличие Стефана Цвейга от многих писателей психологического направления заключается в сочетании изображения напряженных событий внешней и внутренней жизни, психологического анализа.

Творчество Стефана Цвейга высоко оценивается литературными критиками, но исследовательских работ по его творчеству немного. Это обуславливает актуальность намеченного здесь исследования, целью которого является определение лингвостилистических особенностей новелл Стефана Цвейга. Положительную оценку творчеству Стефана Цвейга дает Ю. Архипов, отмечая Стефана Цвейга как популярного писателя не только в Австрии, но и в России, автора, способного с первых строк своих произведений очаровать читателей [1 с. 410].

Некоторые критики (Д. В. Затонский) полагают, что Стефан Цвейг был лишь веянием моды, был популярен в свое время, но корифеем австрийской литературы, как Ф. Кафка или Г. Брехт, не стал. Вкусы меняются, эпохи сменяют друг друга, поэтому говорить о том, что Стефан Цвейг упал с пьедестала, не имеет смысла [3, с. 1–37].

В предисловии к книге Стефана Цвейга «Жгучая тайна» Максим Горький отметил большое мастерство в раскрытии глубин души, особенно женской, и называл автора «истинным художником». Эту же сторону таланта отмечал он и в письмах к Стефану Цвейгу, высоко оценивал его психологизм [4, с. 146].

Таким образом, в данной статье лишь намечен анализ таких новелл Стефана Цвейга, как «Амок», «Письмо незнакомки», «Смятение чувств» и «Улица в лунном свете».

Подчеркнем, что в центре новелл Стефана Цвейг всякий раз стоят открытый конфликт и необычные ситуации жизни. Герои его произведений – это люди из высших слоев общества, которых сгубило равнодушие. В центре внимания писателя также находится эгоизм, который приводит к развалу семейных отношений, губит людей и выводит наружу их внутренние качества. Немалую часть в своих произведениях писатель отводит и теме детства как протесту против подавления естественных запросов человека в угоду условностям жизни.

В своих новеллах писатель обращается к методу психологического анализа, который несет определенную идею, раскрывая внутренние чувства, переживания и качества героев. Стефан Цвейг затрагивал такие проблемы, как разобщенность людей и обезчеловечивающий характер их жизни. Решение этих проблем сочетается с насыщением повествования бытовым колоритом и с описанием нравов, с элементами очерка.

Архитектоника новелл Стефана Цвейга строга и тщательно выверена; действие нигде не задерживается, а все время движется по восходящей линии.

Для описания чувств и переживаний героя автор использует различные эпитеты, метафоры, перифразы, устойчивые обороты, риторические восклицания, апозиопезис и т.д. Примечательным является монологическая, исповедальная форма повествования, выступающая главным средством изложения.

Характерной особенностью новелл Стефана Цвейга является эмоциональная напряженность и интенсивность повествования. Его произведения ритмически выверены. Ритмику создают повторы, обращения и обилие однородных синтаксических конструкций – единоначатия и ритмически повторяющиеся интонационные паузы.

Критический реализм XX века преломился в новеллах писателя такими особенностями, как углубленный психологизм, напряженный драматизм и динамичная экспрессия художественной формы. Новеллы Стефана Цвейга – важное достижение в познании и изображении человека. Цвейг-новеллист обогатил своим творчеством изобразительные возможности художественной литературы. Ему принадлежит немалая заслуга в том, что этот жанр художественной литературы приобрел широкую популярность.

Список литературы

1. Архипов Ю. И. Триумф и трагедия Стефана Цвейга // Цвейг С. Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. М.: Правда. 1981. С. 410–415.
2. Боголюбова Н. В. Стефан Цвейг – великая жизнь, великая трагедия: История жизни и смерти. М.: Современник, 2004. 256 с.
3. Гасымова С. Дж. Проблема характера в новеллистике А. П. Чехова и С. Цвейга: автореф. дис. ... д-ра философии по филологии. Бакинский славянский ун-т. Баку, 2010. 37 с.
4. Горький М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: 1956. Т. 8. 423 с.
5. Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
6. Затонский Д. Стефан Цвейг – вчерашний и сегодняшний // Цвейг С. Вчерашний мир. М.: Радуга, 1991. 434 с.
7. Саклаковская Н. Н. Stefan Zweig und seine Schachnovell // Иностранные языки в школе. 2017. № 8. С. 2–4. (Приложение "Методическая мозаика").
8. Сучков Б. Л. Лики времени. М.: Художественная литература, 1969. 512 с.
9. Цвейг С. Книга как врата в мир // Цвейг С. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Правда, 1963. Т. 7. 164 с.
10. Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга. 1991. 544 с.
11. Zweig, Stefan. Novellen / сост. А. Русакова. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 519 с.
12. Zweig, S. Novellen / подгот. текста и упражнения О. Катениной. СПб.: Корона принт Каро. 2004. 160 с.

References

1. Arhipov YU. I. *Triumf i tragediya Stefana Cvejga* [Triumph and tragedy of Stefan Zweig] Cvejg S. *Neterpenie serdca. Istoricheskie miniatyury* [Impatience of the heart. Historical miniatures] Moscow: Pravda Publ., 1981. Pp. 410–415.
2. Bogolyubova N. V. *Stefan Cvejg – velikaya zhizn', velikaya tragediya: Istoriya zhizni i smerti* [Stefan Zweig – Great Life, Great Tragedy: The Story of Life and Death] Moscow: Sovremennik Publ., 2004. 256 p.
3. Gasymova S. Dzh. *Problema haraktera v novellistike A. P. Chekhova i S. Cvejga: avtoref. dis. ... d-ra filosofii po filologii* [The problem of character in the short stories of A.P. Chekhov and S. Zweig: autor. dis... Ph.D. in Philology] Bakinskij slavyanyanskij un-t. Baku, 2010. 37 p.
4. Gor'kij M. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected works in 10 vol.] Moscow: 1956. T. 8. 423 p.
5. Zatonskij D. *Hudozhestvennyye orientiry XX veka* [Artistic landmarks of the XX century] Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1988. 416 p.
6. Zatonskij D. *Stefan Cvejg – vcherashnij i segodnyashnij* [Stefan Zweig – yesterday and today] Cvejg S. *Vcherashnij mir* [Yesterday world] Moscow: Raduga Publ., 1991. 434 p.
7. Saklakovskaya N. N. *Stefan Zweig und seine Schachnovell* [Stefan Zweig and his chess novel] *Inostrannyye yazyki v shkole* [Foreign languages at school] 2017. № 8. Pp. 2–4. (Prilozhenie "Metodicheskaya mozaika").
8. Suchkov B. L. *Liki vremeni* [Faces of Time]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1969. 512 p.
9. Cvejg S. *Kniga kak vrata v mir* [Book as a gateway to the world] Cvejg S. *Sobranie sochinenij v 7-mi t.* Moscow: Pravda Publ., 1963. T. 7. 164 p.
10. Cvejg S. *Vcherashnij mir. Vospominaniya evropejca* [Yesterday's world. Memories of a European] Moscow: Raduga Publ., 1991. 544 p.
11. Zweig, Stefan. *Novellen* / sost. A. Rusakova. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959. 519 p.
12. Zweig, S. *Novellen* / podgot. teksta i uprazhneniya O. Kateninnoj. St. Petersburg: Korona print Karo Publ., 2004. 160 p.